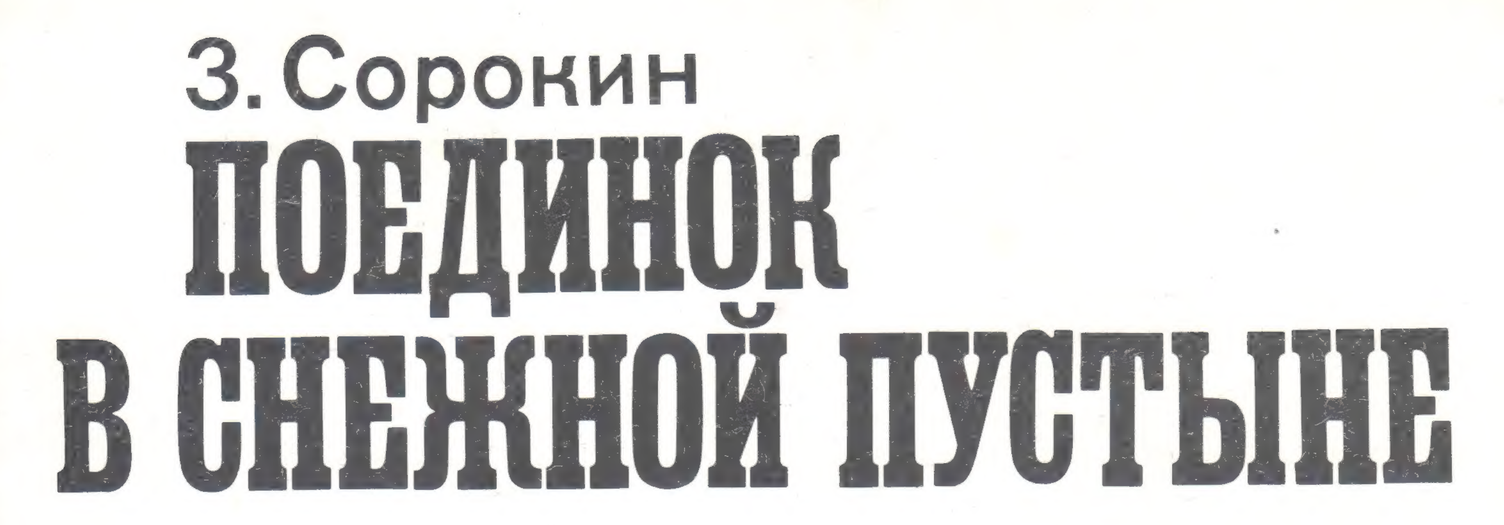
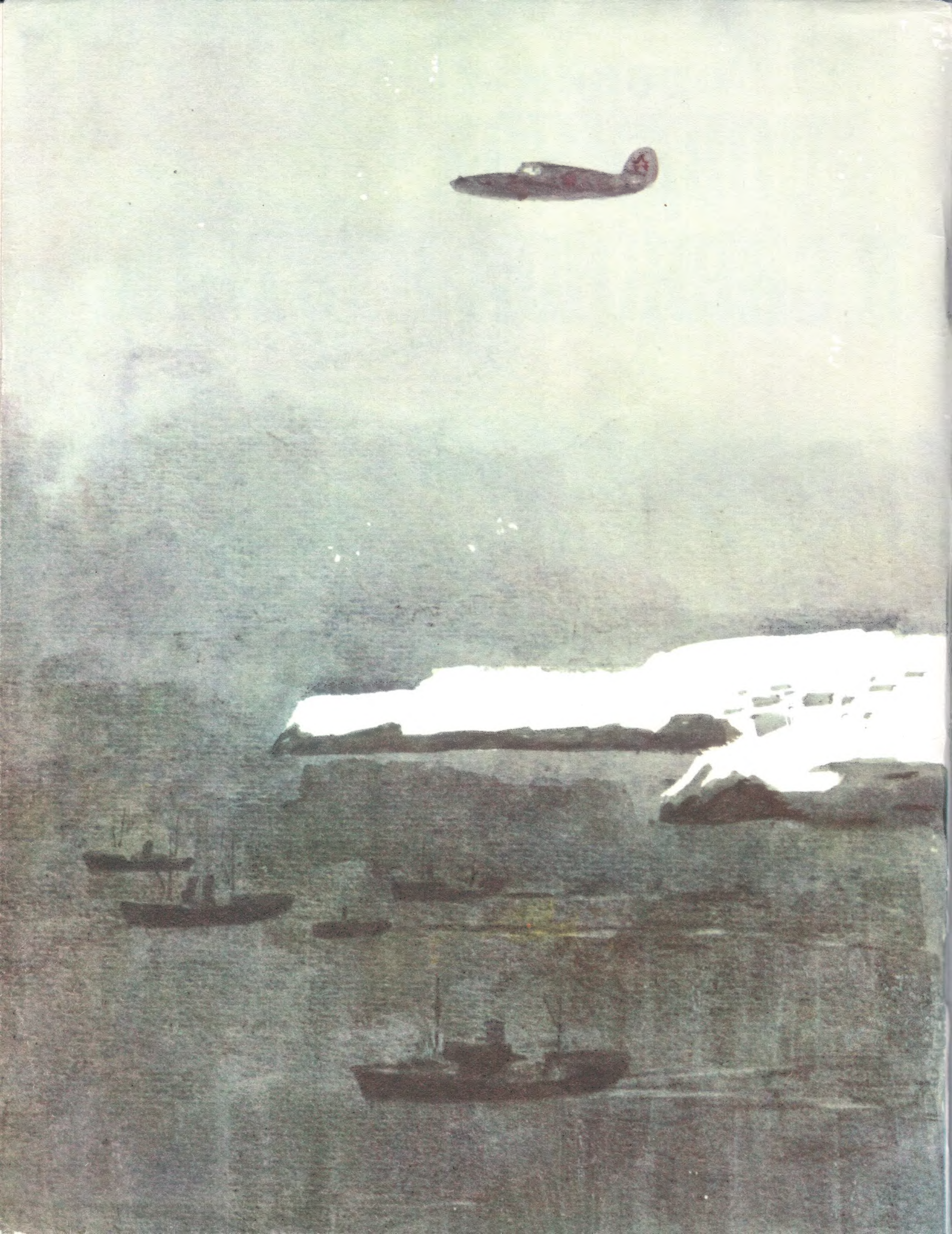

З. Сорокин

ПОЕДИНОК В СНЕЖНОЙ ПУСТЫНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“
МОСКВА
1989

Дорогие юные друзья!

Помните, жизнь человека должна быть насыщена делами, за которые не придётся краснеть!

Захар Сорокин

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Война застала меня в Крыму. Сюда я был направлен сразу после окончания лётного училища. За два года службы полетал в облаках и за облаками, совершал и ночные полёты.

Боевое задание получил в первый же день войны. Вместе с другими лётчиками-черноморцами патрулировал над морским участком. Мы охраняли воздушные подступы к полуострову. Встреч с противником не было. В те дни гитлеровцы посылали в сторону Крыма только самолёты-разведчики...

Однажды вызвали меня в штаб. Там я застал ещё пятерых лётчиков. Сразу обратил внимание на то, что все вызванные — сибиряки. Это не было случайностью. Нам поручалось ответственное задание: освоить в условиях Севера новую боевую технику — истребитель МИГ-3. Нам он был хорошо известен, так как в Крыму мы уже около года летали на этих машинах.

Грустно было расставаться с товарищами: вместе учились, вместе начали воевать. Но приказ есть приказ.

Вскоре прибыли к новому месту службы и приступили к работе. Надо было как можно скорее собрать боевые машины, а техников не хватало, и мы сами решили взяться за дело. Отрегулировали управление, опробовали вооружение...

Непривычны были условия, в которых нам предстояло теперь воевать.

На Кольском полуострове июль в этом году был на редкость жарким. Полярный день уже давно вступил в свои права, и солнце почти круглые сутки ходило над головой. Трава, сочная, свежая, пестрела крупными золотисто-жёлтыми цветами. Ярко зеленели низкорослые северные деревья.

Но лето быстро прошло, и земля укуталась снегом. День стал коротким: вместе с холодами пришла и полярная ночь. То и дело бушевали бураны — злые, неожиданные. Только что было ясно, и вдруг собрались чёрные тучи, завыл полярный ветер, закружилась вьюжная метель.

Внезапно появился буран — внезапно и затих. Снежными зарядами называют на Севере такие бураны. Им время не заказано: в любую минуту можно ждать. Так на Юге налетают ливневые тучи: прольются дождём — и снова ясно. Только от ливня беда невелика, а с бураном шутки плохи: с ног свалит, свирепым холодом обдаст.

Хоть я и родился возле Новосибирска, в селе Глубоком, но такая зима и мне была в диковинку.

Гул сражений не затихал. Фашистские бомбардировщики рвались к Мурманску, и наши истребители беспрерывно вели бои с ними.

Я старался не отставать от своих новых товарищей. Поначалу это было трудно. Многому надо было научиться, чтобы и здесь чувствовать себя в полёте так же уверенно, как в небе Крыма.

Одна за другой шесть алых звёздочек появились на фюзеляже моего самолёта — по числу сбитых вражеских машин.

И вот — первая правительственная награда: орден Красного Знамени.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Дни шли за днями. Я уже считал себя настоящим лётчиком-североморцем. Полёты в сером полярном небе стали привычным делом. Обычно начался и этот полёт. Мой самолёт по сигналу тревоги поднялся в воздух. Вслед взмыла машина Дмитрия Соколова. Мы с ним вместе начинали воевать и дружили с тех пор.

Под крылом самолёта мелькали замёрзшие озёра и речки, низкорослые северные кустарники, в беспорядке разбросанные гранитные валуны. Всё окрашено в два цвета: чёрный и белый. Белый — снег, чёрный — камень и голые деревья.

Вскоре видимость резко ухудшилась.

Мы попали в густой слой облаков. Самолёты стали пробиваться вверх. Четыре тысячи метров, пять тысяч, шесть... Прошли облака.

И тут неожиданно на фоне тёмно-синих туч появились контуры четырёх вражеских самолётов. Это были «мессершмитты-110» — «мессеры», как их называли.

Мы с Дмитрием решили подняться ещё выше и укрылись во втором ярусе облаков. Теперь «мессеры» были прямо под нами.

Они летели, бросая тёмные тени на плотный слой облаков.

— Идём в атаку! — передал я ведомому.

Я повёл самолёт на головную машину фашистов. «Мессер» стремительно приближался. Стал отчётливо виден его жёлтый камуфляж и чёрный крест на борту. Секунда — и самолёт попал в рамку оптического прицела. Я дал длинную пулемётную очередь по мотору и кабине лётчика.

Пылающий бомбардировщик начал падать, и шлейф дыма потянулся за ним.

«Один есть!»

Соколов вёл бой со вторым, я атаковал третьего.

Фашистский самолёт в сетке прицела. Я дал короткую очередь. Неточно! А патроны уже все. Пока я решал, что делать, из-за облаков вынырнул четвёртый «мессершмитт». Он прятался там, испуганный нашей стремительной атакой. Вражеские пули хлестнули по плоскости и кабине. В тот же момент я почувствовал тупой удар в правое бедро. «Ранен. Боеприпасов нет. Что делать?..»

Повёл самолёт наперерез фашистской машине. Она всё ближе. Ближе... Удар! Истребитель отбросило в сторону, а «мессер» с обрубленным хвостом камнем стал падать вниз.

Но и мой самолёт повреждён при таране: он вдруг забрал влево, потом рывком сорвался в штопор.

Всеми силами старался я выйти из опасного положения. Наконец это удалось, но самолёт продолжал терять высоту. И всё время дрожал, дрожал, словно в лихорадке. Нужно было садиться. Но куда? Внизу только сопки да крутые отроги скал. В длинном извилистом ущелье увидел небольшое замёрзшее озеро.

Выключил зажигание и перекрыл краны бензобаков, чтобы самолёт не загорелся при посадке. Очки поднял на лоб, левой рукой упёрся в передний край кабины, правая — на ручке управления.

Сел на лёд, не выпуская шасси. Горячий пар ворвался в кабину. Он шёл из водяного радиатора, который был сильно помят при посадке. Откинул колпак кабины, с облегчением вздохнул и вдруг услышал рокот мотора. Над озером на бреющем полёте пронёсся самолёт Дмитрия Соколова. Видимо, Дмитрий хотел приободрить меня. Он кружил над озером до тех пор, пока не разыгралась пурга. Последний раз качнув крыльями, скрылся за сопками. Долго я смотрел ему вслед...

Пурга утихла как-то сразу. После воя и свиста ветра — полная тишина.

Сильно болела раненая нога, при малейшем движении боль становилась невыносимой. И всё же надо использовать минуты затишья — выбраться из кабины.

Но что это?.. Собачий лай?.. Оглянулся и вижу: к самолёту несётся огромный дог. Я инстинктивно захлопнул колпак. И вовремя! Через стекло на меня смотрела свирепая клыкастая морда.

«Откуда здесь собака?» И тут же понял: некоторые немецкие лётчики берут с собой в полёт служебных собак. Очевидно, где-то рядом приземлился фашистский самолёт. Вытащив из кобуры пистолет, я осторожно приоткрыл колпак и два раза выстрелил в собаку.

«Где же хозяин?»

Я оглянулся. У подножия сопки, зарывшись левой плоскостью в снег, лежал «мессершмитт-110», подбитый мною в начале боя. Я не заметил его сразу из-за налетевшей пурги.

«Жив ли лётчик?»

Словно в ответ, раздался выстрел. За ним ещё и ещё... К моему самолёту, проваливаясь в снегу, неуклюже двигалась тёмная фигура в лётном комбинезоне. Я выскочил из кабины и, присев за крылом самолёта, прицелился в гитлеровца. Выстрел — и вражеский лётчик пошатнулся. Второй — он упал в снег.

Стало быстро темнеть. Чёрные тучи заволокли небо. Снова налетел снежный заряд. Засвистел ветер. Колючий снег обжигал лицо. Но боль в бедре немного утихла.

«Далеко ли до наших позиций? Как идти по такому глубокому снегу?»

Пока я раздумывал, снежный заряд прошёл. Сразу посветлело.

И тут же послышались пистолетные выстрелы. Я взглянул туда, где лежал сбитый мной самолёт. Перебегая от валуна к валуну, ко мне приближался второй немец. В сумраке полярной ночи не так легко попасть в цель. Пули со скрежетом ударялись о скалы и рикошетом отлетали в снег.

Перестрелка продолжалась до тех пор, пока гитлеровец не истратил последний патрон. Тогда он поднялся из-за гранитного валуна и на ломаном русском языке крикнул:

— Русс, сдавайс! Русс, не уйдёшь!

Не помня себя от ярости, двинулся навстречу врагу. Идти по глубокому снегу было трудно. Мешала раненая нога. И всё же расстояние между нами быстро сокращалось. Уже слышно его тяжёлое дыхание, видно искажённое злобой лицо. На руке немца, сжимавшей финский нож, блеснул золотой перстень. Он вызвал у меня приступ бешенства. Я вскинул пистолет и нажал спусковой крючок.

Осечка!

В тот же миг гитлеровец бросился на меня. Я почувствовал острую боль. Финка полоснула по лицу...

Пришёл в себя от недостатка воздуха. Волосатые пальцы врага сдавили горло. Напрягая все силы, рванул гитлеровца за руки. Дышать стало легче. Ещё рывок — и фашист отлетел в сторону.

Какое-то мгновение мы оба лежали на снегу, обессиленные борьбой. Потом одновременно вскочили. Фашист поскользнулся, и я, изловчившись, ударил его ногой. Он закричал и во весь рост растянулся на льду. Тут я вспомнил о пистолете и оглянулся: шагах в трёх от меня лежал и мой «ТТ». Схватив пистолет, я выбросил патрон, давший осечку, и выстрелил в грудь гитлеровца.

Всё!

Я прислонился спиной к гранитной скале, чтобы не упасть. В голове проносились эпизоды воздушного боя, вынужденная посадка, рукопашная схватка... Одна картина сменяла другую, и снова повторялось всё сначала. Нестерпимо болела правая сторона лица. Ныла раненая нога.

Тревога охватила меня: неужели упаду, потеряю сознание, погибну теперь, когда спасся от верной гибели...

«Нет, нужно жить!..»

Взяв горсть снега, приложил его к пылающему лицу. Потом снял с шеи шарф и перевязал им щёку.

«Надо идти! Идти! Пока есть силы!»

Я вынул из кабины ракетницу и бортовой паёк. Разложил по карманам печенье, галеты, банки с мясными консервами...

«Пока хватит сил — буду нести. До наших позиций километров семьдесят, не меньше. Идти надо в том направлении, куда улетел самолёт Соколова».

Наглухо закрыл колпак кабины. Засёк направление по компасу. Ещё постоял с минуту, поглаживая заледеневшее крыло истребителя и, не оглядываясь, двинулся к далёким сопкам.

ОДИН В СНЕЖНОЙ ПУСТЫНЕ

Ветер затих, разогнав снежные тучи. В небе заблестели редкие полярные звёзды. Вдруг небосвод окрасился в ярко-лиловый цвет. По нему забегали быстрые, как молнии, зелёные лучи. Их становилось всё больше. Потоки зеленоватого цвета переплелись, образовали сияющую корону и неожиданно погасли. Теперь небо

пылало малиновым огнём. Замелькали, скрещиваясь и расходясь, синие и золотистые полосы.

Только бы подольше не гасло северное сияние! При нём легче идти: видно, где снег не так глубок. Едва успел подумать об этом — небо опять нахмурилось, потемнело. Подул резкий ветер. Казалось, он пронизывал насквозь — не спасал ни комбинезон, ни китель. С каждой минутой ветер усиливался, мороз крепчал. Мелкий снег проникал за воротник, леденил тело.

Я шёл уже несколько часов. Стараясь не терять направление, карабкался на сопки, на вершине отдыхал и двигался дальше, спотыкался, падал, поднимался. «Надо идти, надо идти! Вот дойду до того валуна, спрячусь за ним от ветра и отдохну... А теперь буду шагать к той берёзке... На пути к ней снежные сугробы. Ну что ж, как-нибудь доберусь...»

Потом всё повторялось: валуны, берёзки, сугробы. Лицо горело от мороза. Раненую щёку ломило так, что забывал о боли в ноге.

Сколько километров осталось позади: два, пять, десять?

Я не знал. Ни одного заметного ориентира вокруг. Кончились ночные сумерки, наступил короткий полярный день, а передо мной всё тот же унылый пейзаж: тёмные ущелья, неглубокие замёрзшие речки, чахлые деревца и снег, снег... Казалось, нет конца этой снежной пустыне...

Истощились силы... Захотелось есть. Достал плитку шоколада, отломил маленький кусочек, положил в рот. И тут же вскрикнул от нестерпимой боли. Были выбиты зубы. Кровоточили и саднили дёсны.

Ясно: есть не смогу. Значит, незачем нести лишний груз. Оставив на всякий случай немного шоколада, всю остальную еду бросил в снег. Идти стало легче. Но ненадолго. Сил становилось всё меньше. Всё чаще приходилось останавливаться, чтобы хоть немножко передохнуть.

Спускаясь с одной из обледеневших сопок, поскользнулся и упал. Удержаться было не за что, и я скатился вниз... Вспомнилось детство, проведённое в Сибири, масленица, катание с гор. От этого стало особенно тяжело и тревожно. Невольно подумал, что ещё никогда не приходилось так долго не видеть людей.

Кое-как взобравшись на следующую сопку, я сел на снег и съехал вниз...

Но сопки одна за другой вырастали на моём пути. И прежде чем спуститься — надо подняться по их заснеженным склонам.

Снова ночь. Нет сил идти. Сейчас бы лечь отдохнуть или хотя бы присесть... Уже выбрал место. Уже собрался опуститься на шершавую гранитную плиту. И вдруг стало страшно. Если сяду — засну. А засну — значит, никогда не проснусь.

Надо идти! Идти!

Только лёд, камень и снег вокруг. Снова занялся блёклый полярный день, и опять спустилась ночь, а я всё шёл и шёл.

Неожиданно услышал чьё-то дыхание. Рука потянулась к пистолету. Рядом со мной шёл большой полярный волк. Я остановился, прислонившись к стволу низкорослой берёзы. И волк остановился. Словно ждал, когда я двинусь дальше, чтобы идти за мной следом.

Вытащив ракетницу, я выстрелил в зверя. Волк испуганно бросился за сопку... Долго не прятал ракетницу, ожидая его возвращения. Но он так и не появился.

Идти становилось всё тяжелее. Чувства притупились. Даже голод перестал мучить. Крутые сопки стал обходить: слишком трудно подниматься. Надо беречь силы. Каждый шаг стоил напряжения.

«Какое число сегодня? Вылетел я 25 октября...— Начал считать минувшие ночи и дни, похожие на сумерки.— Кажется, пошли четвёртые сутки, как я иду. Если так — сегодня 29 октября. Если нет...»

Бросил считать.

Показалось — слышу шум мотора. Поднял голову. Только снежные облака плыли по низкому небу. Ошибся? Нет! Опять тот же хорошо знакомый звук. Что, если это ищут меня? С трудом заставил себя не обращать внимания на рокот мотора. Как ни старайся — не разглядеть с самолёта в глухой занесённой снегом тундре одинокого человека.

Надо шагать вперёд! Туда, за далёкие сопки! К своим!

Пурга почти не затихала. Короткая передышка, и опять начинал бушевать снежный заряд. Голод совсем не беспокоил. Зато очень хотелось пить. Набрёл на горную незамерзающую речушку. Черпал пригоршнями ледяную воду и пил, пил...

Речка впадала в озеро, покрытое льдом. Ступил на лёд и тут же провалился по пояс в студёную воду.

С трудом выбрался на берег. Промокшие бурки и брюки стали покрываться ледяной коркой. Почувствовал — замерзаю. Глотнул коньяку, но тепло не приходило. Решил развести костёр. С трудом нагибаясь, собрал груду валежника. Одну за другой запустил в неё оставшиеся ракеты. Валежник не загорелся.

Шёл долго ни о чём не думая. Осторожно переставлял отяжелевшие ноги. Стоило остановиться — и сознание уплывало куда-то. Слабость сковывала тело. Словно кто-то нашёптывал: «Ляг на снег, отдохни...»

Страшным усилием заставил себя не поддаваться этому голосу. Стряхнул оцепенение и шагал... Главное идти вперёд. Ноги перестали слушаться — стал ползти! Только не останавливаться. Любым способом двигаться дальше. Только вперёд.

Поднялось бледное полярное солнце. Оно висело над самым горизонтом. Кажется, наступили шестые сутки моего пути.

Услышал отдалённый звук сирены. Из последних сил стал подниматься на сопку. Срываясь и снова карабкаясь, забрался на вершину.

Комок подступил к горлу. Вижу: берег, тёмная полоса Кольского залива, дымки кораблей...

Немного успокоившись, рассмотрел на берегу избушку, а рядом с ней человека. Спустился с сопки, вынул пистолет и, зажав его в руке, пополз... Возле самого домика попытался подняться. Человек в полушубке повернулся в мою сторону, вскинул автомат...

— Стой! Кто идёт?

Я сорвал с головы шарф и через застилавший глаза туман увидел под башлыком часового бескозырку.

НА ГОСПИТАЛЬНОЙ КОЙКЕ

В домике меня встретил командир зенитного дивизиона.

— Старший лейтенант Сорокин? Что с вами?

Я невольно потянулся рукой к щеке. Ощутил под пальцами опухоль и запёкшуюся кровь.

— Сейчас сообщу о вашем возвращении,— заторопился командир.— А прежде всего позвоню в штаб флота: надо как можно скорее устроить вас в госпиталь.

Пока командир добивался связи со штабом, два дюжих моряка пытались снять с меня бурки. Им это не удавалось.

— Что у вас с ногами?

— Видно, крепко к буркам примёрзли,— невесело объяснил я.

Ни сила моряков, ни опыт врача не помогли: бурки не снимались. Тогда их осторожно разрезали. Ноги мои, как колодки, упали на пол. Я их не чувствовал. Врач покачал головой:

— У вас, Сорокин, обморожение третьей степени.

Подошёл командир дивизиона:

— Сейчас придёт тральщик. Он доставит вас в госпиталь,— и добавил, обращаясь к врачу: — Пока перевяжите ему рану на лице, а ноги пусть в спирте побудут.

Через несколько минут в домик вошли санитары в белых халатах.

И вот я в городе Полярном, в военно-морском госпитале. Не мешкая, меня раздели, забрали пистолет, возвратили шоколад. «Зачем он мне?» — спросить не успел...

Очнулся на операционном столе. Хирург накладывал швы на моё рассечённое лицо. Секунду я следил за его движениями и снова впал в забытьё. Когда пришёл в себя, открыл глаза — увидел командира нашей эскадрильи Бориса Сафонова. Ладно скроенный, широкоплечий, он стоял рядом с маленьким Димой Соколовым, «шплинтом», как мы его любовно называли.

Наш аэродром был недалеко от Полярного, и друзья решили сразу же навестить меня. О многом хотелось мне их расспросить, да и самому рассказать, но врач категорически запретил мне разговаривать.

— Выздоравливай, Захар, да поскорее к нам возвращайся!— сказал на прощание Сафонов.

Был у меня в этот день и командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головко.

— Флот гордится вами, старший лейтенант,— тепло сказал командующий, присаживаясь на табурет около моей койки.— Врачи будут делать всё возможное, чтобы спасти ваши ноги. Будьте мужественны, набирайтесь терпения...

Я был готов на всё. Лишь бы летать! Лишь бы вернуться в строй!

Потянулись бесконечные дни и ночи. Я потерял аппетит, хотя есть теперь уже было и не больно, нервничал, плохо спал.

Тревожное настроение несколько рассеивалось, когда ко мне в палату приходили другие раненые. Каждый раз я задавал им один и тот же вопрос:

— Ребята! Как по-вашему, буду я ещё летать?

— Конечно, будешь,— успокаивали они...

Мне так хотелось верить в это, что невольно думалось: «Может, действительно всё обойдётся? Бывает же так».

Но беда пришла. Случайно я услышал разговор моего лечащего врача майора Ласкина с главным хирургом Северного флота профессором Араповым.

— Ступни Сорокину, очевидно, придётся ампутировать,— огорчённо сказал Ласкин.

— Не дам! — закричал я в отчаянии и заметался на койке.— Что хотите делайте, не дам!

Лечащий врач начал успокаивать меня.

Стыдно было своей несдержанности, но говорить с врачом спокойно всё-таки не мог. Я верил, что он сделал всё, чтобы сохранить мне ноги. Верил, но...

В палату вошёл профессор Арапов.

— Соглашайтесь, Сорокин, на операцию,— по-отечески мягко сказал профессор.— И чем скорее, тем лучше. Сейчас отрежем совсем немного. Через неделю придётся отнимать по колено, а может быть, и выше.

— А как же я летать буду?

Арапов посмотрел куда-то мимо меня в угол палаты.

— Разве вам обязательно нужно летать? В жизни столько дорог, путей...

— Но я — лётчик!

— Голубчик,— ещё мягче сказал профессор,— разве я не хочу, чтобы вы летали? Ничего ещё не потеряно. Всё зависит от вас.

Говорить не было сил. Я молча кивнул головой в знак согласия. Кажется, всё — отлетался!

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

В морозное декабрьское утро 1941 года катер доставил меня в Губу Грязную. Два месяца пролежал я в госпитале Полярного. Теперь меня отправляли в тыл для дальнейшего лечения. Сколько ещё времени придётся провести на госпитальной койке?

Врачи успокаивали: через три-четыре месяца встанете на ноги. Хотелось верить, что так и будет. Ради этого всё можно вытерпеть.

Последний прощальный взгляд на море — неприветливое, хмурое, студеное и всё-таки такое родное. Вот уж не думал, что всей душой прирасту к этому суровому краю.

На аэродроме меня ожидали боевые друзья: Сафонов, Адонкин, Реутов, Проняков, Алагуров, Родионов. Они буквально засыпали меня подарками. Всем снабдили, начиная от папирос и кончая шоколадом.

До вылета оставались считанные минуты. Поговорить как следует опять не удалось. Разговор был коротким, отрывистым. А как много хотелось сказать и ещё больше услышать!

— Надеемся увидеть тебя за штурвалом самолёта,— обнимая меня, сказал Сафонов.

Лучшего я и сам себе пожелать не мог.

Прозвучала команда на взлёт. Самолёт качнулся, пробежал по взлётной дорожке и поднялся в воздух. Я попросил пилота сделать прощальный круг над аэродромом. Там, закинув головы, стояли мои боевые друзья — лётчики-сафоновцы.

— До свидания! Мы ещё встретимся!

Самолёт сел в городе Кирове. Госпиталь находился в здании бывшей гостиницы. Меня поместили в пятнадцатую палату хирургического отделения. Медленно тянулось время. Один день похож на другой. Больничный распорядок неизменен. О чём только не передумаешь от обхода до обхода врача.

Вспоминаются годы учёбы в ФЗУ. Начинаешь перебирать в памяти события тех дней... Потом мысли переносятся к другому времени, когда работал кузнецом на паровозостроительном...

Но о чём бы ни думалось, мысли возвращались к авиации. Да иначе и быть не могло. Вся жизнь связана с ней.

Сначала строил авиамодели и заканчивал планёрную школу, затем занимался в аэроклубе...

Вспомнишь первый самостоятельный полёт, и снова в сердце тоска. Уткнёшься головой в подушку и думаешь: неужели никогда больше не смогу летать?!

Рядом кашлянул кто-то. Кто это? Ах, да. Вчера кого-то принесли... Я повернул голову в сторону нового соседа по палате: на меня смотрели светлые весёлые глаза, лицо расплывалось в улыбке.

— Захар!

— Борька!

Да, это он, Борис Щербаков, мой давнишний друг — вместе учились в лётном училище в Ейске. Вот где пришлось свидеться!

— Как ты попал сюда, Захар? Что у тебя? С ногами неладно?

— Эх, Боря, кажется, не летать мне больше.

— Много отняли?

— Да нет, ходить смогу, а летать вряд ли...

— Не унывай, Захар, сделают протезы — и полетишь. Ты счастливчик по сравнению со мной.

В одном из воздушных боёв Бориса ранило в ногу разрывным

снарядом. Началась газовая гангрена. Чтобы спасти жизнь, пришлось ампутировать ногу выше колена.

— Я никогда не сяду за штурвал,— продолжал Борис.— А ты будешь летать, Захар, обязательно будешь!

— Лётчик без ног — всё равно что баянист без пальцев! Меня теперь и близко к самолёту не подпустят!

Я говорил и ждал, что Борис станет возражать, спорить со мной, доказывать, что я неправ.

Борис так и поступил. Его крепкая вера в то, что я вернусь в авиацию, стала моей постоянной поддержкой.

А пока я снова побывал на операционном столе. Мне начали пересаживать кожу на отмороженные места. Семь операций сделал профессор Дженалидзе.

— Хоть убейте,— твердил я в исступлении,— резать себя больше не дам. Я летать хочу.

— Будете летать, молодой человек,— спокойно отвечал профессор,— только слушайтесь врачей.

Всегда подтянутый, живой, остроумный, Дженалидзе умел вселять раненым веру в выздоровление. Я старательно выполнял все его предписания. Надо было терпеть жестокую боль — терпел. Каким бы неприятным ни было лекарство — принимал. Сказали, что полезно солнце,— с помощью санитаров ежедневно спускался со второго этажа на крыльцо. Все свободные от процедур часы грелся на солнце. Я не отказывался ни от одного средства — лишь бы скорее вернуться в родной полк, к своим боевым друзьям.

Товарищи меня не забывали. Почти каждый день получал письма. Много радости приносили они. Но, случалось, прочтёшь — и сердце сожмётся от боли.

В первых числах июня товарищи сообщили мне, что в воздушном бою погиб наш командир Борис Сафонов.

Долго я не мог в это поверить. Молодой, жизнерадостный, талантливый, он каждую минуту был необходим нам — его ученикам. И не только нам. Сафонова знала армия, знала страна.

И вот его нет...

Тяжёлыми были эти июньские дни 1942 года. Хотелось скорее вылечиться, вернуться в родной полк, мстить фашистам за смерть погибшего командира!

Я начал учиться ходить.

Это было нелёгким делом. Сначала даже опустить ноги на пол не мог из-за мучительной боли. Я настойчиво повторял это движение. От раза к разу проделывал его всё увереннее. Наконец

вполне освоил: в любой момент мог свободно опустить ноги на пол.

Вскоре принесли протезы.

— Пожалуй, я теперь и стоять смогу, как ты считаешь? — спросил я Бориса.

— Конечно, Захар, — поддержал меня друг. — Рискни.

Я рискнул. Рывком поднялся и вытянулся во весь рост. Тут же пошатнулся, еле сдержавшись, чтобы не закричать от нестерпимой боли...

И всё-таки именно с этого дня я начал становиться на ноги. Я это делал один, без помощи врачей и сестёр. Хотелось самому победить свою слабость. Раз — опускаю ноги на пол, два — встаю.

Пусть больно, пусть поначалу стоять могу какую-то минуту, но всё-таки стою! После долгих месяцев, которые провёл, не поднимаясь с койки, стою на собственных ногах!

Наконец наступил день, когда профессор Дженалидзе разрешил учить меня ходить. Дежурная сестра принесла костыли.

На этот раз самостоятельно действовать не удалось: закружилась голова, едва не упал. Пришлось прибегнуть к помощи сестёр. Меня поддерживали с двух сторон — и всё-таки я смог сделать лишь несколько шагов.

Но шло время. То, что вначале не удавалось, становилось возможным. Я уже самостоя-

тельно передвигался — сначала по палате, затем по коридору и, наконец, спустился со второго этажа и вышел во двор госпиталя. Ежедневно совершал я такую прогулку. Иногда в день делал по три-четыре километра.

И вдруг на заживших уже ранах лопнули сосуды — кровь просочилась через повязки. Я испугался и сразу улёгся в постель.

Профессор Дженалидзе поднял меня на смех: крови испугался, истребитель? Ходи и терпи!

И я терпел.

НЕ ОТСТУПЛЮ!

Медицинская комиссия госпиталя пришла к выводу, что по состоянию здоровья меня следует демобилизовать. Я тут же написал протест. Меня признали «ограниченно годным к военной службе». Не мог я с этим согласиться. «Всё равно своего добьюсь! — повторял я себе.— Ни за что не отступлю!»

Осенью 1942 года выехал в Москву. В день приезда побывал в отделе кадров Военно-Воздушных Сил Военно-Морского Флота. Меня выслушали и посоветовали обратиться к нашему Наркому.

Несколько раз я принимался писать рапорт и, не дописав до конца, начинал сызнова. Получалось плохо, неубедительно. Наконец написал так:

«Разрешите отомстить за те раны, которые нанесли нашему народу и мне фашисты. Уверен, что смогу летать на боевом самолёте и уничтожать врагов в воздухе...»

И вот — рапорт подан.

Когда я пришёл в Наркомат, мне сразу же вручили пропуск. «Значит, дела идут успешно»,— подумал я.

Оставив палку в бюро пропусков, направился в приёмную Народного Комиссара Военно-Морского Флота.

Чувствую — волнуюсь. Хочу успокоить себя — ничего не выходит.

— Товарищ старший лейтенант, можете войти,— пригласил адъютант.

Стараясь держаться ровнее, я двинулся к открытой двери кабинета. Народный Комиссар поднялся мне навстречу:

— Как себя чувствуете, товарищ Сорокин? — спросил он.

— Спасибо, хожу вполне устойчиво.

— Хорошо, присаживайтесь.

Я двинулся к креслу и пошатнулся. Пришлось схватиться за край стола, чтобы не упасть. Нарком заметил моё замешательство и улыбнулся:

— Не волнуйтесь, Сорокин... Не волнуйтесь... Скажите, что вас заставляет вновь сесть на истребитель?

— Хочу мстить врагу... за Сафонова, за боевых друзей, за свои раны...

— Вот что, товарищ Сорокин... Придётся вам пройти комиссию. Если врачи не обнаружат никаких физических недостатков, кроме неполноценных ног,— разрешим вам летать. Вопросы есть?

— Всё ясно, товарищ адмирал Флота...

Через несколько минут я уже ехал в машине Наркомата к Центральному госпиталю, в Сокольники. Пакет с направлением отдал дежурному врачу. Он разорвал конверт, и я увидел под направлением подпись Народного Комиссара.

Только что я был почти уверен в благополучном исходе медицинского обследования, и вдруг страх и сомнения снова овладели мной. Гнал их прочь, но они не уходили. Две недели я пробыл в госпитале, с волнением и тревогой ожидая решения комиссии.

Вот оно: «В порядке индивидуальной оценки Сорокин З. А., старший лейтенант, признан годным к лётной работе на всех типах самолётов, имеющих тормозной рычаг на ручке управления, и к парашютным прыжкам на воду».

СЕДЬМАЯ ЗВЕЗДА НА ФЮЗЕЛЯЖЕ

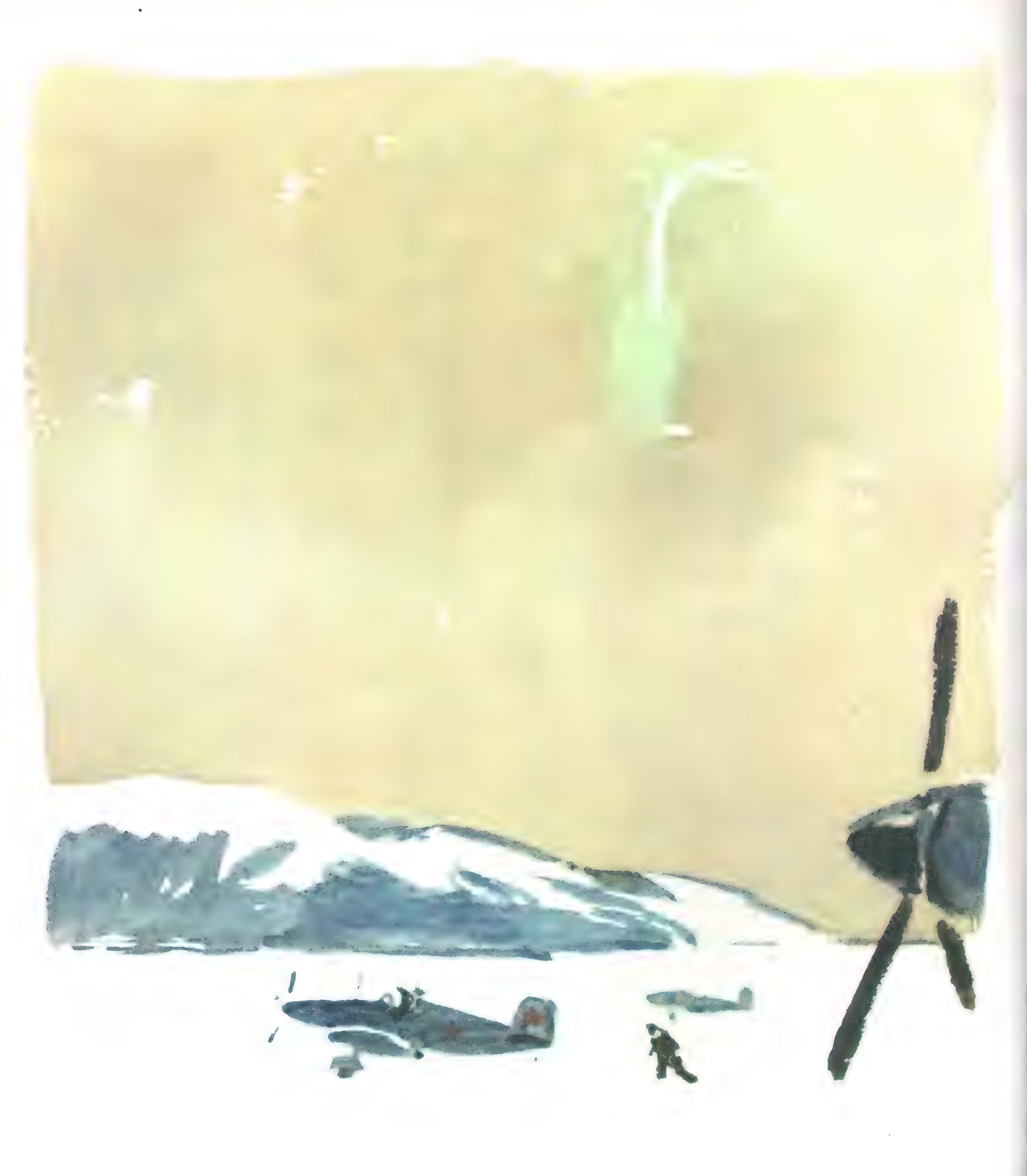
Я стою на перроне Ярославского вокзала. Поезд на Мурманск отходит через пять минут, а мне всё ещё не верится в своё счастье. Наконец-то я назначен в родной Сафоновский полк. Приказ о назначении в моём кармане. Я действительно еду на Север, еду воевать...

Мурманск встретил меня пронизывающим холодом. Мороз достигал сорока градусов. На ветру слипались веки. Трудно было дышать. Я же не замечал этого. Всё мне здесь было по душе.

В штабе авиаполка имени дважды Героя Советского Союза Б. Ф. Сафонова встретился с капитаном Петром Сгибневым.

— Будем воевать вместе,— приветливо сказал мне командир полка.— Вас в какую эскадрилью назначили?

— В первую,— ответил за меня начальник штаба.

— Вот и хорошо. Среди друзей вам будет легче. Пока изучайте материальную часть, а потом и летать начнёте.

На командном пункте эскадрильи меня окружили лётчики, техники, мотористы. Командир эскадрильи капитан Алагуров сердечно поздравил с выздоровлением. Со всех сторон сыпались вопросы:

— Погостить приехал?

— На штабную?

— На побывку?

— Приехал, друзья, не как гость, а как лётчик,— ответил я.

— А как же твои ноги?

— Ноги?.. Стометровку бегать не могу, а летать буду стараться...

— Мы все тебе поможем, Захар. Ты должен летать!

Не сразу удалось подчинить своей воле крылатую машину. Теперь на педали нажимали не собственные ноги, а протезы. Трудно, почти невозможно было рассчитать давление на тормозную педаль, а каждый нажим отдавался тупой болью во всём теле.

По совету командира я несколько дней тренировался в кабине самолёта, стоявшего на земле, снова превратился в ученика аэроклуба, отрабатывающего самые элементарные движения.

Плохо спалось мне, всё думалось, как вести себя в воздухе. Натянешь на голову одеяло, забудешься коротким тревожным сном, но и во сне участвуешь в воздушных схватках и даже тормозишь самолёт, хотя протезы сняты и стоят под койкой.

Постепенно я начал летать. Сначала на патрулирование. Самолёт снова стал послушен мне. В воздухе я временами даже забывал о протезах, чувствовал себя совершенно здоровым человеком.

Чередовались боевые будни, мои товарищи возвращались на аэродром, рассказывали о воздушных боях, считали сбитые самолёты... А мне всё ещё не удавалось встретиться с врагом...

И вот, наконец... В один из февральских дней 1943 года, как только затихла пурга, в серое полярное небо взвилась ракета. Над аэродромом повис комок зеленоватого дыма. Техник выбил колодки из-под колёс моей машины, и она рванулась вперёд.

В это утро я с особой остротой испытывал радостное, чуть тревожное возбуждение, которое всегда охватывает в начале боевого полёта. Подсознательно я чувствовал, что этот полёт не будет «холостым». Предчувствие меня не обмануло.

Мы патрулировали над Мурманском. Справа, чуть сзади меня, летел Соколов; у второй пары истребителей ведущим шёл Титов.

Внезапно в наушниках моего шлемофона послышались позывные командного пункта:

— «Кама-3»! «Кама-3»! С северо-запада идёт группа противника. Как поняли? Я «Казбек», перехожу на приём.

— «Казбек»! Я «Кама-3», вас понял. Веду поиск.

В небе ничего не было видно. А внизу из труб кораблей, стоявших в порту и заливе, поднимались чёрные столбы дыма и лениво расползались в воздухе. С высоты хорошо было видно, как по Кольскому заливу медленно ползёт караван транспортных судов и стремительно рассекают свинцовые воды миноносцы эскорта. Я уже было решил, что тревога ложная, и вдруг вновь услышал:

— Я «Казбек». «Кама-3», видите противника? Вам высота семь тысяч.

— Набираю,— ответил я и в этот же момент увидел, как из-за сопки вынырнули строем шесть гитлеровских машин. По знакомым силуэтам сразу же узнал лёгкие бомбардировщики «мессершмитт-110».

— Я «Кама-3», разрешите атаковать,— запросил я по радио командный пункт.

— Атакуйте! — раздался в наушниках звонкий голос Сгибнева.

Мы всей группой ринулись на самолёты со свастикой.

Нашим союзником в этой схватке было само солнце. Его лучи слепили фашистских лётчиков.

Имея преимущество в высоте и в скорости, мы почти мгновенно очутились у вражеских машин, летевших плотным клином. В сетке оптического прицела всё увеличивались контуры вражеской машины. Кажется, пора открывать огонь.

— Прикрывай хвост! — командую Соколову и нажимаю гашетку.

Видны тускло мерцающие огоньки трассирующих пуль.

Ведущий самолёт противника перевернулся через крыло и, показывая зеленовато-рябое, как у лягушки, брюхо, начал падать.

Почти одновременно Титов нырнул под другой «мессер», сделал «горку» и снизу полоснул очередью по немцу. Тот клюнул носом и тяжело рухнул за сопку.

— Где Соколов?! — Я оглянулся назад и увидел пылающий бомбардировщик. Его сбил Соколов.

Три оставшихся бомбардировщика легли в вираж, пытаясь уйти к линии фронта. Мы бросились за ними, и завертелась карусель. Перемешались и краснозвёздные истребители, и машины с чёрными крестами на плоскостях. Пулемётные ящики быстро пустели.

«Мессерам» всё-таки удалось удрать, у нас кончилось горючее. Я дал команду возвращаться. До аэродрома дотянули буквально на последних каплях бензина.

Когда мы уже шли на посадку, вдруг почувствовал, как безумно болят ноги.

На аэродроме я попросил своего техника Михаила Дубровкина нарисовать красной краской на фюзеляже моего истребителя седьмую звёздочку, такую дорогую для меня звёздочку!

Ноги всё ещё болели, а сердце ликовало: могу летать, могу драться с врагом и побеждать!

30 коп.

Для младшего школьного возраста

Захар Артёмович Сорокин

ПОЕДИНОК В СНЕЖНОЙ ПУСТЫНЕ

Художник П. Пинкисевич

Редактор Е. Рыжова. Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор М. Копылова. Корректор Н. Пьянкова.

ИБ № 2531

Сдано в набор 18.07.88. Подписано в печать 25.01.89. 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура журн.-рубл. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,5. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,37. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1699. Заказ № 2316. Цена 30 коп. Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдковская ул., 5. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

$С \frac{4803010201—049}{М102(03)—89} 74—89$